

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА БЕЛАРУСИ И ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А.Н. Андреев

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЭВОЛЮЦИИ ЛИТЕРАТУРЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (европейский контекст)

Существуют ли законы развития литературы или перспективы эволюции литературы "классического (читай: социоцентрического) типа" неизбежно являются футуристическим прогнозом, субъективным по своей сути? Дано ли нам предугадать, как слово чье-то отзовется?

Если законы, или, скажем иначе, закономерности, объективные основания, определяющие сущность социокультурного явления – литературы, – не плод воображения, то необходимо "перспективы" сделать предметом научного рассмотрения – инструментом литературоведческого анализа.

Казалось бы, законы коренятся в эстетической, следовательно, в конечном счете социальной, природе литературы, королевы искусства. Сложно спорить с тем, что художественные системы (классицизм, романтизм, реализм, модернизм, постмодернизм и т. п.) отражают процесс смены ценностных парадигм – процесс, общественный по своему характеру. Однако правильнее было бы говорить не о социальной, а об информационной природе литературы, аспектами которой (природы) являются такие формы общественного сознания, как эстетическая, этическая, религиозная, политическая, экономическая, философская. Такой акцент принципиально меняет представление о сути феномена литературы, феномена духовного, социального и эстетического, аккумулирующего в себе вечные ценности, символически зашифрованные в триаду "Истина – Добро – Красота".

Философский подход к художественной литературе, выдвинутый еще Аристотелем (но "отложенный" на 18 столетий в связи с тем, что культура развивалась преимущественно как художественно-бессознательная "культура", как культура моделирующего, поэтического сознания), в свете целостного подхода выявляет свою непреходящую актуальность. Основные понятия, введенные Аристотелем – "мимесис" (подражание) и "катарсис" (очищение), – замкнуты на человека, на личность. Как их ни интерпретируй – они являются параметрами личности, которая возможна как феномен только на основе информации духовного (не телесного и не психологического) порядка. Личность характеризуется тем, что регулирует свое поведение "от сознания", в соответствии с максимально постигнутым данным индивидуумом

"уровнем законности", с "порядком вещей", т. е. в соответствии с объективно царящими в мире законами. Мыслить законами – это и есть способ жизнедеятельности личности. Человек-"неличность" (назовем его индивид) "мыслит" (то есть неэффективно мыслит) явлениями, образами, необобщенными единичными "категориями", прецедентами – информационными единицами, так сказать, доличностного уровня. Таким способом мыслить – не добраться до сути вещей, можно лишь почувствовать наличие сути. Подобным мышлением личность не создашь.

С появлением концепций личности, философского сознания, теории художественного творчества и теории познания круг расширился, чтобы вновь диалектически сомкнуться, не теряя и впредь предрасположенности к содержательному "расползанию"; казавшиеся наивными и малоперспективными "мимесис" и "катарсис" сегодня в полной мере выявляют свой методологический потенциал, и у нас есть основания ставить вопрос о кристаллизации первого – и основного – закона гуманитарных наук. Смысл его сводится к тому, что гуманитарная парадигма культуры, отраженная в соответствующих формах общественного сознания – эстетической, нравственной, религиозной, правовой, политической, научной, философской, – есть не что иное, как форма проявления духовного мира личности. Коротко назовем первый закон "законом личности", который, в свою очередь, можно трактовать как проявление вездесущего закона целостности. Личность порождает культуру, а культура – личность. При всей своей простоте и "очевидности" фундаментальность послышки, имеющей далеко идущие последствия, не вызывает сомнений (с позиций мышления рефлектирующего, абстрактно-логического, которое и должно заниматься законами, этим хлебом науки).

Следующий научно-гуманитарный закон гласит: существуют две культуры, каждая из которых ориентирована на разные (противоположные) системы ценностей и, соответственно, функционирует на разных языках: психоидеологическая культура индивида и научно-рациональная, разумная культура личности, "литература" и "философия" (в широком, символическом, значении). Эти культуры соотносятся по принципу дополнительности, порождая эффект своеобразной гуманитарной "мультипликации", взаимоусиления своих потенциалов. Назовем второй закон "законом двух языков культур", который непосредственно связан с законом личности и также является частным моментом проявления "закона единства и борьбы противоположностей".

В принципе указанные законы можно трактовать и как частное проявление всеобщего (не специфически гуманитарного) "закона сохранения информации" (частное проявление которого – "закон личности и закон двух языков культур"), согласно которому (в данном случае) информация

психического (образного) порядка рано или поздно порождает информацию иной, умозрительной (сознательной) природы, существующей на ином, понятийном языке, с иными познавательными возможностями (с иным уровнем или порогом объективности). С точки зрения закона сохранения информации, личность представляет собой сложнейшую, иерархически упорядоченную информационную систему, где эффективное управление (самопознание, если угодно) возможно только сверху вниз, от разума к душе, от науки к искусству. Путь снизу вверх, от индивида к личности, "от психики к сознанию", – всегда и только приспособление, которое выдается за познание. Закон сочетания или сопряжения информации – закон, регулирующий меру объективности отражения, – можно считать третьим гуманитарным законом. Для краткости этот закон можно назвать "законом объективности познания" (своеобразным законом гарантии объективности).

Опираясь на эти три закона, которые "адаптируют" универсальные диалектические законы к гуманитарному космосу, можно научно интерпретировать любой (подчеркнем, любой) феномен гуманитарной культуры, не прибегая при этом к привычному насилию над реальностью, иначе говоря, принимая к сведению "сопротивляемость" образных моделей формам и методам научного познания, несводимость одного к другому, и в то же время держа в уме вечное стремление психики к образно-модельному гегемонизму, к подмене одного языка культуры другим. При таком подходе – и это неописуемо важно – отпадает необходимость подмены научного познания "диалогом", т. е. слегка завуалированным под наукообразие художественно-психологическим освоением мира. С научными предложенные законы роднит то обстоятельство, что они носят объективный характер (их нельзя отменить ни по щучьему велению ни по своему хотению); определение же "гуманитарные" означает, что эти объективные законы под силу далеко не всякому субъекту. Непременное условие усвоения законов: овладение тем качеством или уровнем диалектического мышления, которое мы определяем как тотальная диалектика. Именно этот уровень научного мышления способен "порождать" (отражать) и усваивать законы гуманитарного космоса.

Итак, сам факт отсутствия законов говорит о том, что законы пытаются обнаружить с помощью моделирующего сознания. Но как только точка отсчета меняется, как только мы начинаем выстраивать отношения с "гуманитарным знанием" с позиций научного сознания, сразу же появляются если не законы, то потребность в них. Само появление законов не ставится под сомнение и становится делом времени. Иначе говоря, сам факт отсутствия законов сегодня базируется на законе двух языков культур и становится проявлением этого закона. Таковы те логические границы и пределы, к которым ведет последовательная и научно состоятельная "воля к методу".

Понятно, что в каждой отдельно взятой гуманитарной дисциплине сформулированные выше законы будут обнаруживать себя через сеть еще более частных законов – литературоведческих, искусствоведческих, эстетических и других. Так, в литературоведении с помощью указанных гуманитарных законов можно уже в научном ключе структурировать "план содержания" (главную идею, авторскую концепцию, авторскую модель мира, идеологическую направленность, предмет и объект – названий у семантического полюса произведения хоть отбавляй), не комментировать "идейное содержание" в удобном для "критика" контексте, а именно структурировать систему ценностей, которая присутствует в художественном тексте независимо от воли творца (см. "закон двух языков культур"). Диалектический подход к "плану содержания", определяющему "план выражения" в целостно организованном художественном произведении (стиль, эстетическое качество, красоту – см. "закон гарантии объективности"), позволяет состыковать такие, казалось бы, нестыкуемые, разноприродные категории, как "Истина", "Добро", "Красота" (проекции форм общественного сознания: философской, нравственной, эстетической). При этом "Истина" (философское) и "Добро" (нравственное), будучи ядром плана содержания, могут существовать только в форме эстетически совершенной, в модуле "Красоты": это закон художественности.

Критерий художественности, таким образом, меньше всего становится делом субъективным. Само наличие критерия определяется наличием всех трех гуманитарных законов. Важно суметь разглядеть в художественном произведении объективно существующую в культуре систему ценностей (проявление закона личности) и, далее, проследить за претворением нехудожественной (абстрактно-логической, понятийной) информации в образно-художественную. Научное и художественное предстают различными сторонами единого по информационной сути творческого акта. Так "воля к методу" трансформируется в "интерес к методике" – и это тоже следствие умения видеть законы там, где их как бы нет.

Какими видятся перспективы развития литературы в эпоху глобализации с позиций указанных законов?

1. Следовало бы четко развести объект и предмет литературы, составляющих саму суть "плана содержания". Предметом литературы является человек и личность в единстве их мироощущения и миропонимания. Если говорить о великой литературе, то предметом ее пристального внимания становится процесс превращения человека (индивида) в личность. Система ценностей (основа содержания) обретает эстетическое измерение (стиль), воплощая формулу "Красота – Добро – Истина".

На самом деле, надо выразиться еще более точно и конкретно: один информационный комплекс, телесно-психологический, известный нам под названием человек (индивид), на наших глазах превращается в другой, духовно-психологический, имя которому – личность. Меняется тип управления информацией, меняется способ мышления – в результате меняется система ценностей, система мотивов поведения – следовательно, меняются типы конфликтов, типы и системы персонажей. Именно конфликт типов управления информацией и является объектом изображения в литературе, ибо все духовные коллизии человека коренятся в информационной природе конфликта.

2. В этой связи очевидно, что литература может развиваться в трех парадигмах (связывают которые два полюса) – социо-, индивидо- и персоноцентрической – в зависимости от того, что становится предметом изображения: индивид, homo esopomicus (ипостась натуры) или личность homo sapiens (феномен культуры).

При этом социоцентрическая ориентация непосредственно связана с эволюцией, похоже, исчерпавшего свои художественные возможности той разновидности реализма, которую называют "критический реализм"; индивидоцентрическая ориентация плодотворно развивалась в рамках той художественной модели, которую принято называть постмодернизм; что касается персоноцентрической ориентации, то ее перспективы связаны, конечно, с реализмом в широком понимании этого термина. Именно реализм способен синтезировать потенциал всех иных художественных систем, поскольку именно его художественно-гносеологические возможности позволяют в максимально полном объеме отражать сложнейшую информационную систему "тело – душа – дух" (индивид – личность).

3. Эпоха глобализма не только не отменяет, но даже принципиально не меняет указанных закономерностей; более того, она их выявляет. Эпоха глобализма – это триумф бессознательного отношения, которое проявляется либо как доминирующий социоцентризм (с либеральными вкраплениями индивидоцентризма), либо как индивидоцентризм, отягощенный идеалами социоцентризма. Это "два полюса одного полюса" (полюса натуры, но не культуры), между которыми обречена "зависнуть" литература. Культурное начало, связанное с персоноцентризмом, здесь присутствует как "величина" факультативная, совершенно не обязательная – не осознаваемая как оппозиция натуре. В рамках до- или внекультурного поля, в рамках бессознательного приспособления к художественно-бессознательному освоению мира все относительно предсказуемо, поэтому эстетически чуткие, но методологически не искушенные литературоведы поспешили объявить смерть автора, кризис романа и конец литературной истории.

Глобализм, как бы мы его ни понимали, есть тенденция и одновременно результат тотальной бессознательной деятельности человека. Вот почему у процесса глобализации, среди всего прочего, есть и отчетливо выраженное литературное лицо, ибо бессознательное имеет непосредственное отношение к самой природе художественного творчества. Казалось бы, литература как феномен гуманизма (который также является имманентным свойством художественности) по сути своей должна противостоять процессу глобализации. На самом деле литература (за редким исключением) находится в авангарде этого сомнительного (по культурным меркам) процесса и ее "гуманистическая суть" великолепно реферирует с бесчеловечностью глобализации. Чтобы уразуметь сущность данного парадокса, необходимо осознать амбивалентность литературы, явления столь же потенциально культурного, сколь и de facto "натурного", бессознательного.

Этот, на первый взгляд, академический постулат имеет далеко идущие последствия. Выражением глобализма в литературе стал культ формы, или, если угодно, культ бессодержательности, что можно трактовать как смещение акцента с миропонимания (познания) на мироощущение (бессознательное приспособление). Гносеологическую формулу глобализма (а также "глобалистской", доминирующей сегодня литературы) можно определить как кредо индивида – миропонимание в рамках мироощущения (сознание выполняет психическую функцию, а кажется, что оно подчиняет себе психику, контролирует ее). Вектор культуры, напомним, прямо противоположен: от мироощущения – к миропониманию (от чувства к мысли, от психики к сознанию). Гносеологическую формулу культуры (а также "культурной", разумной литературы) можно определить как кредо личности: мироощущение в рамках миропонимания. Таким образом, глобализм и деградация в литературе не просто пересекаются; глобализм, по существу, становится формой культурной деградации. Почему?

Собственно говоря, сам феномен глобализма – феномен то ли расцвета цивилизации, то ли выражения ее кризиса, то ли попросту фаза интенсивного цивилизационного распада – оказался возможен именно потому, что в должной степени не сформировалось отношение познания, в результате чего науки так и не обрели своего содержания, реального объекта изучения. Глобализм – феномен именно цивилизации, но не культуры, ибо содержанием процессов глобализации стало отсутствие культурного содержания. Вот почему "предметный" разговор в рамках отношения приспособления всегда беспредметен: он лишен объекта. Глобализм, по идее, вплотную подводит к осознанию феномена культуры. Однако цивилизацию и культуру разделяет не пресловутый "один шаг", а принципиально разное соотношение информационных по своей сути и структуре "предмета" и "объекта", ибо: субъект

цивилизации – индивид, субъект культуры – личность. Сама цивилизация есть предмет (форма), объектом (содержанием) которого(-ой) должна стать культура. При этом переход к культуре означает не исчезновение цивилизации, а появление у нее объекта, осознанного содержания.

Пока что "духовное" содержание цивилизации определяют потребности индивида (*homo economicus*'а), то есть содержанием, с позиций личности и культуры (с позиций *homo sapiens*'а), является бессодержательность, вот почему доминирующей духовной и эстетической идеологией сегодня стал постмодернизм, где культ формы превратился в содержание. Именно это дало нам основания для постановки вопроса, является ли культ формы свидетельством глобализма в литературе. Ведущие национальные литературы мира так или иначе проходят эту стадию. Этот императив бессознательного во многом обслуживает и сегодняшнее литературоведение. Постмодернизм, идеология индивида, протестующего против жесткого нормативизма социума, – это выражение диктатуры природы, выдаваемое за высшие культурные достижения. Содержанием бессодержательной идеологии становится индивидоцентризм – культ ощущений (хотений, желаний), культ иррационального, – следовательно, культ формы.

Необходимо осознать, что глобализм существует потому, что это выгодно тем, кто преуспел в бессознательном освоении мира. Рыночные отношения и демократия (к которым, ради полноты картины, следует отнести также религию, секс и национализм) – это инструменты глобализма как вершины цивилизации (читай: бессознательного типа отношения к действительности), инструменты диктатуры бессознательного, диктатуры природы.

Если же перспективу духовного и, значит, литературного развития связывать с персонцентризмом, последовательно ведущим к гуманизму, формой проявления которого вполне может стать диктатура культуры, то здесь все еще только начинается. Если выживем – то увидим.